

Он радостно изобразил взрыв:

— Бум — и мы свободны!

Се Цюци любил его живость, и настроение невольно просветлело:

— Чем меньше людей знает, тем выше шансы на успех, так что пока другим шахтёрам — ни слова. Люди Олы используют второй взрыв как сигнал. Их задача — разобраться с солдатами в бункере, чтобы никто не сбежал и не поднял тревогу. С солдатами в шахте справимся сами.

— Нехватка оружия — не главная проблема. Отберём винтовки у солдат, да в бункере ещё есть — тоже сгодится, — сказал Чжэн Кэ. — По обыкновению, Овчарка, вернувшись с гор, сначала заезжает в бункер, а потом уже в шахту. Устроим засаду у бункера и схватим его, как только появится.

— Осторожность нужна не только с Овчаркой и солдатами, но и с шахтёрами.

— За Овчаркой и солдатами присмотрит брат Син, а я могу приглядеть за шахтёрами.

— Когда шахта будет в наших руках, отправим их в посольство — там позаботятся о репатриации.

— Ола и впрямь готова отпустить шахтёров? Не передумает в последний момент?

Се Цюци обсуждал это с Олой отдельно:

— Не волнуйся, сейчас мы ей очень нужны. Если передумает — дальше помогать не станем.

— Дальше? Ты что-то ей пообещал?

Се Цюци приподнял бровь:

— У неё есть бриллианты на контрабанду в Штаты. Добыты нелегально, через официальные каналы не провезти. Сначала нужно доставить в соседнюю Намибию, а оттуда — в США. Мы сделаем это за неё — таково условие освобождения всех шахтёров.

— Целую машину бриллиантов в Штаты везти?

— Нет, всего один.

— Один?

Се Цюци сложил большой и указательный пальцы в кольцо:

— Один золотой бриллиант, 307 карат. Стоимость — минимум тридцать миллионов долларов.

У Чжэн Кэ кровь ударила в голову, всё тело охватил жар:

— Боже правый.

Он и не припомнил, когда в последний раз видел столь крупный бриллиант. Даже выросший в семье, связанной с алмазами, цветные камни больше ста карат — редкость.

Се Цюци понизил голос:

— Доставим этот бриллиант в Штаты, передадим покупателю — получим пятнадцать тысяч долларов. Комиссия, всё обговорено. Неплохо, да? В Намибии нам дадут фальшивые паспорта, и полетим первым классом. Разве не лучше, чем тридцать с лишним часов болтаться на волнах?

Пятнадцать тысяч долларов пару месяцев назад Чжэн Кэ и внимания бы не обратил. На его восемнадцатилетие семья закатаила приём в Louis XIII, на одни напитки ушло больше миллиона — и это лишь одна статья расходов. Пятнадцать тысяч не хватило бы и на ящик шампанского для молодого господина Чжэна.

Но сейчас пятнадцать тысяч казались ему целым состоянием. Он даже соскучился по запаху освежителя воздуха в первом классе. На нём всё ещё был тот костюм, в котором он летел с выпускного в Макао, — рубашка посерела, дорогие брюки вечно сырые. Даже если за ночь в сыром бункере они высыхали, к утру снова промокали. Он не менял нижнее бельё почти месяц, утешая себя мыслью, что умрёт хоть в фирменных трусах — сохранит достоинство.

Достоинство... Это слово давно не всплывало в его сознании. Он полностью от него отказался.

Порой, глядя на своё отражение в речной глади, он не мог вспомнить, кто он. Потом перестал смотреть. Решил: только полностью отринув себя, смогу выжить в этой отчаянной ситуации.

«Молодой господин Чжэн» умер — погиб, защищая родительское состояние и семейную честь, в кабинете дяди. Теперь этот голодный шахтёр — просто человек по имени Чжэн Кэ, совершенно новый человек.

Только так он мог удержаться от того, чтобы завернуться в одеяло, погасить лампу и покончить со всем. Только так он мог не чувствовать себя жалким.

— Сначала в Штаты — правильно. Там у меня есть друзья и знакомые, они помогут. Сейчас возвращаться в Макао — смерти искать, — тихо сказал Чжэн Кэ.

Се Цюци думал так же:

— Ты здорово потрудился, продержись ещё несколько дней. Всё наладится.

Всё наладится. Избитая фраза.

Чжэн Кэ опустил голову, прислонив лоб к плечу Се Цюци, и глубоко вдохнул. Подумал: чёрт со всем, лишь бы быть рядом с этим человеком. Хорошо там или плохо — неважно. Он даже начал тревожиться: если они и вправду выберутся из Африки, обретут свободу — не разойдутся ли их пути? Что тогда делать ему одному?

Когда же Се Цюци наконец обратит на него хоть каплю внимания? Когда он сможет заставить его увидеть себя?

Примечание автора:

Молодой господин забеспокоился, ха-ха. На самом деле Се Цюци бывшего совсем не любит.

В пятницу вечером оба не могли уснуть.

Чжэн Кэ уставился в стену, на насечки, отмечавшие дни. Тридцать первый день в Африке — целый месяц.

Обычно беспечный молодой господин понимал: сегодня ночью сна не будет. Он повернулся — Се Цюци тоже не спал. Их взгляды встретились. Чжэн Кэ под одеялом осторожно взял его руку — она была ледяной, что было ненормально.

— Тебе страшно? — впервые спросил Чжэн Кэ.

Се Цюци промолчал.

Чжэн Кэ усмехнулся:

— Я всегда думал, ты бесстрашный. Когда тебя схватил Чжэн Шихуа, когда заперли в контейнере, когда копал, возил товары, вёл переговоры... Казалось, тебе всё нипочём. А ты и правда боишься. Раньше не замечал.

— Я тоже человек, конечно, боюсь, — бесстрастно сказал Се Цюци.

Чжэн Кэ накрыл его своим одеялом, сделав общий кокон. Казалось, так его слова не успеют остыть, прежде чем достигнут Се Цюци:

— Если выберемся... что ты хочешь делать? Ну, когда избавимся от всей этой каши, станем свободными...

— Ещё не думал, — на лице Се Цюци мелькнула задумчивость.

Он и вправду не думал. Привык жить день за днём. Это была его жизнь, но голос в ней принадлежал не ему.

— Разве нет чего-то желанного? Мечта была?

— Когда-то хотел накопить, купить свой корабль, объездить мир. Деньги кончатся — устроюсь в любом порту матросом, снова накоплю — и дальше. Не слишком амбициозно, да?

— Романтично. Я в универе хотел стать киберспортсменом. Знаешь, что это?

— Что?

— Компьютерный спорт, видеоигры. У нас это ещё не развито, а в Штатах уже серьёзная индустрия. Я даже в клубе состоял.

— Деньги платят?

— Призовые есть. На мировых турнирах вроде WCG победитель получает миллион долларов.

Се Цюци впервые слышал, что играми можно столько заработать:

— Ты участвовал?

Чжэн Кэ смущённо покачал головой:

— Нет. Отец считал, что я время трачу, чуть не лишил меня содержания.

Се Цюци рассмеялся:

— Я в детстве Цзинь Юна читал — мама говорила, опиум для мозгов.

Чжэн Кэ Цзинь Юна не читал. Со школы учился в Штатах, читал Толкина, Азимова, Дэна Брауна. Тогда американские школьники зачитывались этим, а Цзинь Юн для него был чем-то вроде исторического персонажа.

Но Се Цюци и правда был старше на шесть лет. Если каждые три года — поколение, между ними пролегали две пропасти. Их жизненный опыт был совершенно разным, среда, круг общения, привычки — всё различалось. Должны были быть двумя разными жизнями.

<http://bllate.org/book/15957/1426830>